

Дневник поэта О КНИЖКЕ СТИХОВ ВЕРЫ ЗАХАРОВОЙ

Первые строки Веры Захаровой немногим моложе первых улочек города, первые свои стихи она читала в редакции городской газеты. Тогда стихи писались легко, как бывает только в юности, — их было много, лучшие из них составили первую книжку «Я уже здесь была» (Иркутск, 1968 г.). Книжка быстро разошлась, у Веры Захаровой появился читатель, который недавно получил возможность прочесть и вторую ее книжку — «Дневник». За названием читается многое — и доверие, с которым идет поэт к людям, и просто смелость: редко кто из нас доверит кому-либо свой дневник.

Первое условие, которое мы ставим перед любым дневником, — искренность. «Дневник» Веры Захаровой подкупает именно этим, но не следует забывать главного — перед нами дневник поэта, и потому мы вправе требовать от него открытий и незаурядных мыслей, короче, можем ли мы сегодня говорить о росте Захаровой как поэта?

В первой книжке, достаточно темпераментной и в некоторой мере инфантильной, мелькнуло: «осталось мало: пересилить детство», — желание закономерное и легко объяснимое. На смену восторженным гимнам ослепительному миру приходит пора его осмысления, пора раздумий о времени и о себе, о своем месте в жизни. Появилась некоторая сдержанность, чувства стали серьезнее и глубже, на смену нервному, разорванному стиху приходит элегия.

Мир поэта стал шире, объемней: «Земля — мой долг, мой дом, мое Наследство».

«Я знаю, я обязана сказать
от имени мне вверенного мира,
неловко пусть, но, обручившись лирой,-
сказать, о чем обязана сказать.
Нет, в этом мире я не гостьей званой
Все ласточки, все башенные краны
И мошки, что в сердечке одуванчика,
свои малый хлеб работая, снуют,
все улицы родные и трамваи
на немоту обидятся мою».

Рядом с гражданской лирикой «Дневника» — стихи, посвященные материнству. Они подкупают своей человечностью, мягкой фантазией («Вместо колыбельной», «Дочурка все равно мне не поверит»). Им иногда

мешает некоторая альбомность: «по конной тебе ночи, дитя мое родное мой самый непослушный на свете человек»...

Захарова — поэт городской, но улицы по, которым она любит бродить, населяют не только люди — на «их живут воробьи и трава, сосны и дожди, облака и бабочки, все они умеют говорить и любить: у города Захаровой нелегкий характер и доброе сердце, она разговаривает, спорит с ним, как с лучшим другом он собеседник, — ее учитель. «Наивный мой, неоновый, сосновый, сегодня ТЫ опять простишь меня», — говорит поэт своему городу, который нам так нетрудно узнать.

Удачны в «Дневнике» такие стихотворения, как «Гайная вечеря», «Стихи о моем городе». «Городской печальный день — что за солнце светит», «Россия. Родина. Гражданственность», «Первая — в сумерках нежных».

Эти стихи легки по рисунку и точны по мысли.

Как и в предыдущем сборнике, в «Дневнике» немалое место занимает любовная лирика («А в это лето ты мне даришь розы», «Актеры! Уходите, я сама» и другие). Последнее стихотворение пришло из первого сборника в несколько увеличенном варианте, отчего, на наш взгляд, пострадало. Опус этот продуман от начала до конца и разыгран в «традициях» захудалого провинциального театра — он лишен единого стержня, и восклицательные знаки, и многоточия, которыми обильно пересыпано все стихотворение, играют здесь роль барабанных палочек, заглушающих главную мелодию, которая — хочется верить — и побудила автора взяться за перо.

Схематичность, неорганизованность встречаются и в других стихотворениях сборника. Есть в «Дневнике» стихи, появление которых ничем не оправдано; так, в стихотворении «Я сознавала себя мудрой» идет длинное и подробное перечисление событий дня: сначала «десятый час», затем «тринадцатый восходит час — апофеоз разгара лета, обед, когда нельзя обедать и утешает только квас. Четырнадцать. Пятнадцать... Впрочем, к семнадцати спадает жара».., и т. д., вплоть до вечера, когда «запахла на земле трава» и ясно стало — боже мой, — что мне давно пора домой» — многозначительно, возвышенно и салонно...

Но ее лучшие стихи, как правило — результат подлинных переживаний. Стихи, подобные «Актеру», — желание не просто написать, а так, чтобы «красиво» с декорациями, и слезами. Несколько театрально начинается и венок сонетов, завершающий книгу и, на наш взгляд, являющийся удачей поэта. Его отличают от многих стихов «Дневника» поэтическая организованность и гармония. К сожалению, за неимением места, мы не можем уделить этой работе должного внимания и поэтому пока просто

заметим: венок сонетов — труднейшая поэтическая форма. И венок сонетов, и лучшие стихи сборника свидетельствуют о росте Захаровой, говорят о ее возросшем мастерстве.

На этом можно было бы закончить заметки, но у нас существуют претензии к издательству. Во-первых, оформление книги желает лучшего: бледные ромашки на черном фоне, изображенные художником Аносовым, могли бы, скорее, украсить витрину аптеки, рекламирующей лечебные травы, чем поэтический сборник. Удивляет равнодушие, с каким книжку выпустили и свет: часть страниц не пронумерована, в стихах множество опечаток, а одна из них и вовсе непростительна: Вера Геннадьевна Захарова стала Верой Иосифовной...

Мы говорим это в надежде на то, что в скором времени на редакторский стол ляжет новая рукопись Веры Захаровой, которая станет следующим шагом в окрепшем творчестве поэта.

Кобенков А.

Знамя коммунизма. — 1973. — 31 июля. — С. 2.